

ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

© 2013 г. Владислав Викторович Груздев¹

Краткая аннотация: проблема ответственности в гражданском праве относится к числу наиболее спорных вопросов современной юриспруденции. При решении данной проблемы автор предлагает исходить из следующей методологической посылки: изучение юридической ответственности имеет смысл постольку, поскольку речь идет о применении соответствующих принудительных мер в рамках “вертикальных” охранительных правоотношений. В результате формулируется ряд важных теоретических положений, в том числе вывод о том, что гражданско-правовой ответственности как разновидности юридической ответственности не существует.

Ключевые слова: юридическая ответственность; гражданско-правовая ответственность; охранительное обязательство с внемэквивалентным (дополнительным) имущественным обременением должника; конфискационные санкции.

Annotation: the liability problem in civil law is among most dispute questions of modern jurisprudence. At the decision of the given problem the author suggests to start with the following methodological parcel: studying legal responsibly makes sense so far as it is a question of application corresponding forced measures within the limits of “vertical” guarding legal relationship. A number of important theoretical positions, including a conclusion that civil law liability as versions of legal responsibility don't exist is as a result formulated.

Key words: legal liability; civil law liability; the guarding obligation with extraequivalent (additional) property encumbrance of the debtor; confiscatory sanctions.

Проблема ответственности в гражданском праве в связи с существованием ряда цивилистических конструкций, противоречащим многим общетеоретическими представлениями о рассматриваемом феномене, в настоящее время порождает наибольшее количество споров. К числу таких конструкций можно отнести ответственность без вины, ответственность за чужие действия, ответственность без осуждения и т.п. Вполне логично поэтому следующее умозаключение: “Легко заметить, что при таких “особенностях” гражданско-правовая ответственность никак “не вписывается” в... якобы родовые признаки понятия юридической ответственности вообще”². Другими словами, признание “сверхспецифики” гражданско-правовой ответственности ставит перед исследователем поистине неразрешимую задачу: охватить научным понятием явление, сущностные черты которого во многом не согласуются с признаками, положенными в основу определения данного понятия. Ярким свидетельством тому является современное состояние проблемы юридической ответственности в целом и гражданско-правовой ответственности в частности.

Многочисленные взгляды на сущность ответственности³ целесообразно сгруппировать в двух аспектах.

С одной стороны, отчетливо выделяются широкая и узкая трактовки ответственности. При широкой трактовке ответственность связывается с любыми последствиями неправомерного поведения (ответственность – реализация санкции⁴; мера государственного принуждения⁵; реакция общества на правонарушение⁶; обязанность, принудительно исполняемая⁷; обязанность дать отчет⁸ и т.п.); при узкой – только с неблагоприятными юридическими последствиями правонарушения, выражающимися в лишениях личного, имущественного или организационного характера (ответственность – обязанность претерпевать лишения⁹; осуждение¹⁰; наказание¹¹; мера государственного принуждения, санкция, вызывающая отрицательные последствия в виде лишения прав либо возложения новых или дополнительных обязанностей¹²; особое правоохранительное

⁴ См.: Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. М., 1981. С. 97.

⁵ См.: Самощенко И.С., Фарукишин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1971. С. 6.

⁶ См.: Ливиниц Р.З. Теория права. М., 1994. С. 147.

⁷ См.: Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. Очерк теории. М., 1976. С. 4.

⁸ См.: Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов, 1973. С. 4, 11, 16.

⁹ См.: Черданцев А.Ф., Кожневиков С.Н. О понятии и содержании юридической ответственности // Правоведение. 1976. № 6. С. 49–51; Алексеев С.С. Общая теория права. Учеб. М., 2008. С. 199, 200.

¹⁰ См.: Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975. С. 163.

¹¹ См.: Малеин Н.С. Юридическая ответственность и справедливость. М., 1992. С. 19.

¹² См.: Иоффе О.С. Обязательственное право. Избр. труды. В 4-х т. Т. III. СПб., 2004. С. 141; Советское гражданское право. Учеб. В 2-х т. Т. I / Под ред. О.А. Красавчикова. М., 1985. С. 502 (авт. гл. – О.А. Красавчиков).

¹ Заместитель главы по правовым вопросам муниципального образования “Северо-Байкальский район” Республики Бурятия, кандидат юридических наук (E-mail: gruzvld@rambler.ru).

² Бабаев А.Б. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. М., 2008. С. 868.

³ Здесь и далее имеется в виду только негативная (ретроспективная) ответственность, вопрос о которой возникает в связи с неправомерным поведением. Что касается положительной (перспективной) ответственности, то даже если согласиться с ее существованием, цивилистический анализ вряд ли способен качественно обогатить учение о ней.

отношение¹³; охранительная юридическая обязанность¹⁴ и т.п.).

С другой стороны, все предложенные в юриспруденции теории ответственности имеют статическую, динамическую либо статико-динамическую (смешанную) направленность.

Сторонники статического направления не ставят существование ответственности в прямую зависимость от наступления последствий правонарушения. Так, Г.Н. Шевченко отмечает: «Ответственность существует и до ее реализации. Более того, она может быть и не реализованной для конкретного субъекта, совершившего правонарушение, но от этого она не перестает быть таковой»¹⁵.

Вектор динамического направления определяется видением сущности ответственности в том или ином фактическом претерпевании последствий недозволенного поведения. «До тех ... пор, пока не последует возложения ответственности, – лаконично подчеркнул О.С. Иоффе, – имеется лишь ее основание, но не сама ответственность»¹⁶.

Согласно статико-динамическому направлению ответственность являет собой единство обязанности претерпевать неблагоприятные последствия и реального их претерпевания, без одной из этих частей не может быть ответственности. «Статика государственно-принудительной формы реализации юридической ответственности определяется обязанностью правонарушителя подвергнуться осуждению и претерпеванию неблагоприятных последствий, предусмотренных санкцией нарушенной нормы. Однако обязанность так и останется обязанностью, если не будут реально применены меры государственного принуждения, если не будет претерпевания виновным неблагоприятных ограничений прав материального, правового или личного характера, если не будет осуждения государством его поведения»¹⁷.

Вместе с тем, несмотря на разнообразие приведенных взглядов, едва ли не всеми авторами ответственность (или ее реализация) связывается с принуждением¹⁸, на котором поэтому следует остановиться подробнее.

Принуждение является следствием осуществления возможности диктовать, определять поведение другого лица. Соответственно, принуждение заключается в ограничении свободы принуждаемого – в подавлении его собственной воли и одновременном подчинении ее воле принуждающего. Правовое принуждение, как и юридические нормы, предусматривающие его, исходит только от государства. А вот применяться меры принуждения в рамках конкретных правоотношений могут разными субъектами – государствен-

ными или уполномоченными государством органами, должностными лицами, носителями защищаемого субъективного права¹⁹, другими лицами (например, при крайней необходимости, задержании преступника).

Гражданское право как объективное право в целом без принуждения немыслимо. Как и прочие юридические обязанности, гражданско-правовая обязанность может исполняться добровольно или принудительно. В случае принудительного исполнения меры принуждения применяются либо односторонне уполномоченным лицом, либо по его требованию государственным (уполномоченным государством) органом.

По мнению автора, изучение юридической ответственности имеет смысл постольку, поскольку она (или ее реализация) связана с применением соответствующих принудительных мер в рамках «вертикальных» охранительных правоотношений. Здесь принуждение является целью и результатом властной деятельности. В связи с этим требуются определенные начала ответственности, которые гарантировали бы интересы привлекаемого к ней лица, разумно ограничивая вытекающую из отношений власти – подчинения дискреционную свободу принуждающего.

В гражданском праве между лицом, в интересах которого применяются меры принуждения, и принуждаемым лицом возникает «горизонтальное» охранительное правоотношение, направленное главным образом на обеспечение интересов первого: принуждение выступает тут средством индивидуальной защиты.

Действительно, независимо от того, как понимать ответственность – в статическом или динамическом аспекте, она подлежит реализации в отношении данного правонарушителя, для чего и требуется конкретизирующая правоприменительная деятельность, основанная на строгих юридических принципах. В этих же целях правоприменительная деятельность, осуществляемая властным субъектом, подвергается серьезной регламентации процедурными правилами. Причем содержание (мера и объем) самого принуждения определено только в результате указанной деятельности и не иначе. Следовательно, правоохранительные нормы, предусматривающие ответственность, порождают такое охранительное правоотношение, реализация которого а priori невозможна без правоприменения. Говоря иначе, в области ответственности правоприменительный акт становится обязательным элементом механизма правового регулирования, обладая ярко выраженным материально-правовым значением. Другое дело – охранительное гражданско-правовое отношение (как известно, принудительное осуществление регулятивного правоотношения господствующая доктрина не связывает с ответственностью). Реализация составляющих его содержание прав и обязанностей по общему правилу вполне возможна без правоприменения. В случаях же факультативного применения права, когда субъект «горизонтального» охранительного правоотношения самостоятельно не исполняет лежащую на нем обязанность, правоприменительный акт играет сугубо процессуальную роль, а принуждение

¹³ См.: Булатов А.С. Юридическая ответственность (Общетеоретические проблемы). Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Л., 1985. С. 12.

¹⁴ См.: Крашенинников Е.А. Понятие гражданско-правовой ответственности // Юридическая ответственность: проблемы и перспективы. Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 852. Тарту, 1989. С. 71.

¹⁵ Гражданское право. Учеб. В 3-х т. Т. 1 / Под ред. А.П. Сергеева. М., 2009. С. 942.

¹⁶ Иоффе О.С. Обязательственное право. С. 140.

¹⁷ Литинский Д.А. Проблемы юридической ответственности. СПб., 2004. С. 57.

¹⁸ В этой связи уместно привести следующее высказывание А.П. Сергеева: «Признак принуждения (угрозы принуждения) имманентен для любого вида юридической ответственности, в том числе гражданско-правовой» (см.: Сергеев А.П. Рец. на монографию В.В. Ровного «Проблемы единства российского частного права». Иркутск, 1999 // Сибирский юрид. вестник. 1999. № 4. С. 78). Естественно, речь идет о правовом принуждении.

¹⁹ Отмеченное обстоятельство дало Д.Н. Кархалеву повод заявить: «В гражданском праве, как представляется, можно говорить о государственном и «негосударственном» принуждении» (см.: Кархалев Д.Н. Охранительное гражданское правоотношение. М., 2009. С. 71). Однако, во-первых, в правовом государстве негосударственным может быть только применение принуждения, но не само принуждение, и, во-вторых, подобным образом принуждение может применяться не только в гражданском праве (например, в трудовом праве меры дисциплинарного принуждения применяются работодателем).

по-прежнему осуществляется волей управомоченного: он может отказаться от иска, взыскания, заключить мировое соглашение и т.п., чем и обуславливается диспозитивность гражданского (арбитражного) судопроизводства. Как представляется, говорить здесь об ответственности нельзя, тем более что цивилистическими исследованиями ставятся под серьезное сомнение многие общеправовые принципы данного явления, прикладная направленность которых очевидна. Взамен этого требует пристального внимания такая разновидность гражданско-правового отношения, как охранительное обязательство с эквивалентным (дополнительным) имущественным обременением должника. Подобная тенденция все отчетливее проявляется в современной цивилистике.

Например, Н.К. Басманова подчеркивает, что «категория “юридическая ответственность” является категорией публичного права, а привлечение лица к юридической ответственности направлено на удовлетворение публичных интересов (восстановление правопорядка, морально-психологического спокойствия, социальной справедливости, авторитета государственной власти, авторитета нарушенного закона и т.д.). Поскольку возложение обязанности возмещения (компенсации) вреда, причиненного виновными противоправными действиями, не позволяет достигнуть целей юридической ответственности (охраны публично-правовых интересов, частной и общей превенции, исправления и перевоспитания правонарушителя), постольку недопустимо рассматривать случаи возложения подобного рода обязанностей как юридическую ответственность»²⁰.

А.Б. Бабаев, обратив внимание на несоответствие гражданско-правовой ответственности родовым признакам юридической ответственности (см. цитату в начале настоящей работы), весьма симптоматично заявляет: “Отсюда может следовать лишь один из двух равновозможных выводов: либо неверно определение родового понятия (юридической ответственности в целом), либо то явление, которое обозначается термином “гражданско-правовая ответственность”, не является ответственностью”²¹. И хотя автор, к сожалению, не развивает последней мысли, в дальнейшем им анализируется именно охранительное правоотношение²².

Любое охранительное обязательство направлено на устранение неблагоприятных последствий нарушения права посредством возложения на нарушителя имущественной обязанности, исполнение которой приводит к натуральному или эквивалентному восстановлению ущемленного интереса потерпевшего.

Неблагоприятные последствия нарушения могут быть или связаны, или не связаны с переходом к нарушителю имущественной ценности потерпевшего.

В ситуациях первого типа указанная ценность оказывается присвоенной нарушителем, “растворяясь” в его имущественной сфере, либо остается у потерпевшего на подлежащем защите праве (в частности, при реституции владения, если потерпевший выступает правообладателем возвращаемой вещи).

Очевидно, что если нарушение права выражается в переходе благ к нарушителю, то восстановление прежнего имущественного положения потерпевшего должно достигаться

обратным переходом тех же самых или заменяющих благ, т.е. должным поведением нарушителя становится возврат потерпевшему неправомерно полученной имущественной ценности или ее стоимости по принципу “верни чужое”. Имущественное обременение нарушителя, таким образом, эквивалентно тому, что он приобрел вследствие нарушения права. Поэтому соответствующие охранительные правоотношения целесообразно именовать охранительными обязательствами с эквивалентным имущественным обременением должника (или эквивалентными охранительными обязательствами). К их числу относятся реституционное и кондикционное обязательства.

Охранительное обязательство с эквивалентным имущественным обременением (внеэквивалентное охранительное обязательство) возникает, когда нарушение права не связано с переходом к нарушителю имущества потерпевшего. Более того, зачастую нарушитель вообще ничего не приобретает вследствие нарушения права.

Безэквивалентность охранительной обязанности не в том, что, как полагал О.А. Красавчиков, исполнив ее, нарушитель не получает никакого встречного удовлетворения (характерного для регулятивных обязательств)²³. Нарушитель не получает встречного удовлетворения и при исполнении охранительного обязательства с эквивалентным имущественным обременением. Причем безэквивалентным вполне может оказаться и регулятивное обязательство, например договор дарения.

Обязанность в рассматриваемом охранительном обязательстве безэквивалентна потому, что, исполняя ее, нарушитель лишается собственного имущества, а не возвращает в натуре или деньгами приобретенное вследствие нарушения права. Для возникновения такой обязанности не имеет значения, принесли ли неправомерные действия нарушителю какие-либо выгоды, хотя размер последних и может учитываться при определении ее объема (см. абз. 2 п. 2 ст. 15 ГК РФ).

Следовательно, восстановление имущественного положения потерпевшего производится должником по принципу “отдай свое”. Сказанное должно учитываться при регулировании соответствующих общественных отношений.

Внеэквивалентными охранительными правоотношениями являются: обязательство по возмещению убытков; обязательство натурального возмещения; обязательство по уплате процентов за пользование чужими денежными средствами.

Лишь в исключительных случаях, когда лишение субъективного гражданского права или возложение юридической обязанности за виновное поведение требует правоприменительной деятельности (в частности, при односторонней реституции, недопущении реституции, лишении права при злоупотреблении им), необходимо вести речь об ответственности. Как видно, ответственность в гражданском праве выражается в неблагоприятных юридических последствиях неправомерных действий (узкая трактовка ответственности). А поскольку речь идет об имущественной ответственности, адекватнее выражает ее сущность динамическая концепция: до реальной утраты правонарушителем имущества (включая имущественное право) вряд ли найдутся основания говорить о выполнении ответственностью своих функций, прежде всего компенсационной. Кроме того, вывод о необходимости отказа в защите права в той форме, которая могла бы означать ответственность (лишение субъективного права), делается

²⁰ Басманова Н.К. Сущность и особенности возникновения правоотношений возмещения и компенсации. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008. С. 13.

²¹ Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под ред. В.А. Белова. С. 868.

²² См.: там же. С. 870–874.

²³ См.: Советское гражданское право. Учеб. В 2-х т. Т. 1 / Под ред. О.А. Красавчикова. С. 506.

судом только по итогам рассмотрения дела. Соответственно, логически до момента вынесения судебного решения ответственности не может быть.

Примечательно, что конфискационные санкции как типичный случай ответственности в гражданском праве оцениваются в литературе и практике правоприменения весьма неоднозначно.

В.В. Витрянский отмечает: «Что касается отнесения к числу самостоятельных мер имущественной ответственности т.н. “конфискационных санкций”, то представляется, что применение подобных мер выходит за пределы ответственности по гражданско-правовому обязательству, т.к. является ответственностью участников имущественного оборота не перед потерпевшей стороной, а перед государством за нарушение требований публичного порядка»²⁴.

Другие авторы высказываются более категорично. Так, по мнению Н.Д. Шестаковой, “применение такого последствия недействительности, как изъятие в доход государства, противоречит общим принципам и функции гражданского права”²⁵.

В п. 5 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ “О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации”²⁶ от 10 апреля 2008 г. подчеркивается, что санкции, установленные за совершение публичных (административных, налоговых и иных) правонарушений, не могут квалифицироваться в качестве последствий недействительности сделок, поэтому соответствующие требования не должны рассматриваться в спорах о признании сделок недействительными на основании ст. 169 ГК РФ; в тех случаях, когда сделка сама по себе образует состав публичного правонарушения либо указанное правонарушение связано с совершением такой сделки, в рамках рассмотрения спора, вытекающего из публичных правоотношений, подлежат применению санкции, установленные законодательством в качестве меры ответственности за совершение данного правонарушения, а не последствия, предусмотренные ст. 169 ГК РФ.

В свете изложенного при совершенствовании гражданского законодательства предлагается изъятие в доход государства всего полученного по сделке применять как альтернативное последствие недействительности сделки лишь в ограниченном числе случаев, прежде всего когда то или иное общественно неприемлемое имущественное деяние не получает адекватной санкции в уголовном или административном праве²⁷. Нетрудно, однако, заметить, что при таком подходе закрепленные гражданско-правовыми нормами конфискационные санкции, по сути, превращаются в “запасные”.

Изъятие в доход государства как последствие недействительности сделки в отечественном гражданском праве было впервые предусмотрено ГК РСФСР 1922 г. (ст. 147, 149, 150) и затем продублировано в ГК РСФСР 1964 г. (ст. 49, 58). Признание возможности конфискации имущества в случаях совершения участниками гражданского оборота под видом сделок общественно-опасных деяний, выпавших из “поля

зрения” специального (уголовного и административного) законодательства, полностью согласуется с советской политикой, связанной с заметным преобладанием в праве, включая цивилистическую отрасль, публичных начал²⁸. Сохранение же подобной меры ответственности в условиях современного Российского государства, принимающего активные меры к возрождению исторического деления права на частное и публичное, выглядит по крайней мере нелогичным. Ведь каждая из данных правовых подсистем должна иметь собственные задачи и выполнять собственные функции.

По смыслу п. 1 ст. 243 ГК РФ под конфискацией понимается безвозмездное изъятие в случаях, предусмотренных законом, имущества у собственника по решению суда в виде санкции за совершение преступления или иного правонарушения. В частности, общие нормы о конфискации содержатся в ст. 3.7 КоАП РФ и ст. 104.1 УК РФ. Вряд ли можно считать нормальной ситуацию, когда в публично-правовых отраслях, специально посвященных борьбе с посягающими на основы правопорядка и нравственности правонарушениями, отсутствуют адекватные, а поэтому и эффективные санкции за подобные деяния. Однако еще более ненормально исправлять данную ситуацию путем применения гражданского законодательства к чуждым ему отношениям, возлагая тем самым на частное право решение публично-правовых задач. Повышение адекватности и эффективности санкций за совершение публичных правонарушений необходимо осуществлять посредством совершенствования соответствующих кодифицированных актов (УК РФ, КоАП РФ), в том числе конструируя составы правонарушений, за совершение которых в качестве меры ответственности возможна конфискация. Иными словами, в условиях правового государства конфискационные санкции могут предусматриваться только публично-правовыми нормами, которые по логике вещей должны содержаться в публично-правовых отраслях законодательства. В противном случае могут быть легко утрачены такие обязательные признаки публичного правонарушения, как противоправность и наказуемость деяния исключительно на основе *специального закона*.

Конфискацией, по существу, является и лишение имущественного права. В отечественной цивилистике допустимость лишения права как гражданско-правовой санкции за злоупотребление правом была обоснована В.П. Грибановым и О.С. Иоффе²⁹, которые исходили при этом из правоприменительной практики советского времени³⁰.

²⁸ В свете изложенного весьма уместно привести следующее высказывание: “Советское социалистическое право, не знающее деления на публичное и частное, призвано к защите общественного, политического и экономического строя социализма. Любые посягательства на этот строй, угрожающие интересам социалистического общества и его граждан, вызывают отрицательную санкцию со стороны Советского государства, его органов, в частности судебных и арбитражных” (см.: *Мамеев Г.К.* Основания гражданско-правовой ответственности. М., 1970. С. 182).

²⁹ См.: *Грибанов В.П., Иоффе О.С.* Пределы осуществления субъективных гражданских прав // Сов. гос. и право. 1964. № 7. С. 80–85.

³⁰ См., например, абз. 3 п. 5 постановления Пленума Верховного Суда СССР “О судебной практике по гражданским жилищным делам” от 25 марта 1964 г., согласно которому при систематической сдаче нанимателем в поднаем отдельной изолированной комнаты в целях извлечения нетрудового дохода эта комната в соответствии со ст. 5 Основ гражданского законодательства могла быть изъята у нанимателя в судебном порядке по иску наймодателя или прокурора // СПС “КонсультантПлюс”.

²⁴ *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право. Общие положения. М., 2000. С. 636.

²⁵ *Шестакова Н.Д.* Недействительность сделок. СПб., 2008. С. 79.

²⁶ См.: СПС “КонсультантПлюс”.

²⁷ См.: Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. М., 2009. С. 40. Из ст. 179 ГК РФ положения о специальных конфискационных последствиях предлагается исключить вовсе (см.: там же. С. 41).

Сегодня, учитывая приведенные выше соображения о природе конфискационных санкций, необходимо констатировать: к лишению имущественного права способно привести злоупотребление правом, образующее состав публичного правонарушения, за которое специальным законодательством предусмотрена данная мера ответственности, т.е. такая форма отказа в защите права, как лишение права в целом³¹, представляющая собой публично-правовую ответственность, в условиях правового государства возможна только в случаях, установленных уголовным или административным законодательством.

Следовательно, можно сделать вывод, что, по нашему мнению, гражданско-правовой ответственности как разно-

видности юридической ответственности не существует, а также что функции, которые традиционная доктрина связывает с “гражданско-правовой ответственностью”, на самом деле выполняют охранительные обязательства с внеэквивалентным (дополнительным) имущественным обременением должника.

Недопущение реституции и односторонняя реституция, лишение субъективного гражданского права за злоупотребление этим правом – исключительные случаи имущественной ответственности, установленной содержащимися в ГК РФ публично-правовыми нормами. Данную ответственность точнее именовать публично-правовой ответственностью в гражданском праве. Учитывая ее чуждость частноправовому регулированию, нормы о конфискационных последствиях следует изъять из ст. 10, 169 и 179 ГК РФ.

³¹ См.: Российское гражданское право. Учеб. В 2-х т. Т. I / Отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2010. С. 406.